
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

* * *

Ведать стынущим фронтом
Послан волей Кремля...
Что же делает он там,
Что вершит, не дремля?

И окутал руины
Оглушительный чад,
А унылые финны
Только ждут и молчат.

Он умен, музыкален,
Помнит старый режим,
Средь имперских развалин
Стал уже не чужим.

Все же как отморозить,
Удержать, отстоять?
В дряхлом зеркале просесть,
Побелевшая прядь.

И, согласно доносам,
Часто возит актрис,
Дивам звонкоголосым
Дарит гречку и рис.

Снова вспышками вспорот
Ледяной окоем,
Умиравший город
Отвечает огнем.

Снова срезы на трупах!
Невский убран с утра.
В деревянных тулупах
Изваянье Петра.

И на карте в Генштабе,
Исступленно-смела,
Через топи и хляби
Протянулась стрела.

* * *

Как этот дьявол был неутомим
И на голландской верфи, и в борделе!
И Вавилоном сделал Третий Рим,
И руки ненасытные смердели.

С годами становился все пьяней,
С отверткую склонялся над иконой,
Гусиным цугом запрягал свиней
И выезжал в карете золоченой.

То брался за работу палача
И сына мучил, и луженой глоткой
Ввел Просвещенье, на бояр крича,
И сифилис лечил казенной водкой.

И бороды палил, и зубы драл,
И растлевал, и жар вдыхал у домен,
И рыбаков спасал у финских скал,
И вдруг упал, бессилен и огромен.

Все порывался буйствовать и жить
И на одре одолевал недуги.
Пришлось его подушкой придушить
Любовнику и венчанной супруге.

Михаил Синельников родился в 1946 году в Ленинграде. Живет в Москве. Автор 32 поэтических сборников, сотен статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель многих хрестоматий и антологических сборников. Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии и Турции. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат премии Бунина, премии Дельвига, премии Арсения и Андрея Тарковских, Государственной премии Таджикистана имени Рудаки и многих других отечественных и зарубежных премий.

* * *

Как все росло, как все там жить хотело,
И обнимал туземной почвы тук
Все косточки и зерна обомлело, —
Миры, из детских выпавшие рук!

Блуждал ребенок, жизнь повсюду сея,
И воткнутый в сырую землю прут
Вдруг расцветал, как посох Моисея.
Воспоминанья эти не умрут.

Был взрослый мир тревожен и опасен,
Но повседневным страхам вопреки
Из горбылей, из тесаных балясин,
Из школьных парт, случалось, шли ростки.

БЫЛИНА

Из жилы воротной богатыря Сухмана
Кровь хлынула во сне.
От глыбы, что в степях уснула бездыханно,
Бежит к речной волне.

Течет Сухман-река, клокочет в тесном русле,
Впадает в тихий Дон,
И гомонит вода, ей подпевают гусли,
И долог вещий сон.

Вот всюду города и шумные базары,
Зеленые бахчи...
Где некогда прошли авары и хазары,
Стрибога покричи!

Но сердце ранено и не готово к бою,
Не хочет громких дат.
И мы на пристани прощаемся с тобою,
И катера гудят.

СТАРООБРЯДЦЫ

Зачем-то мнится листьев шорох,
И мгла скитов, и тьма темниц
При виде твердых и матерых
Неистребимых русских лиц.

Старообрядцы... С мощью рьяной
Еще проходят предо мной
Обрубки Руси деревянной,
Древесной, древней, дрованой.

И порожден самой природой,
В своем безмолвии кричащ,
Весь этот сонм седебородый,
Как будто вышедший из чаш.

Вдруг изумляют эти лица,
Всегда, как прежде, так и впредь,
Готовые страдать, трудиться,
В свирепом пламени гореть.

КАФЕТЕРИЙ

И я, певец исчезнувших империй,
Входил однажды (что же, коль зовут!)
В битком набитый этот кафетерий,
Тогдашних реформаторов приют.

Там были неудачники поэты,
Экономисты с некоторых пор.
Глотая кисели и винегреты,
О Кейнсе заводили разговор.

Недавно их в правительство призвали.
На алчущие лица их подруг
Я, пожилой, поглядывал в печали,
Не излечив высокий свой недуг.

Прошли реформы кой-какого сорта,
А в памяти тот вечер отражен
И эта жажда власти и комфорта
На юных лицах воспаленных жен.

* * *

Умножаются эти потери,
Современники сходят во тьму,
И, в любви усомнившись и вере,
Видишь прошлое, словно в дыму.

Разрываются давние узы,
Покоряется сердце судьбе.
Не останешься только без Музы,
Поседевшей в дороге к тебе.